

Изъ общественной и литературной хроники Запада.

Современныя попытки совершенствовать душу.—Нравственное движеніе въ Германіи и «общества нравственной культуры».—Книга противъ нравственныхъ ученій.—Новѣйшія моды въ философіи.—Максъ Штирнеръ и его сочиненіе «Индивидуумъ и его права». — Разрушительность Гегелевскаго анализа.—Апология эгоизма и личныхъ интересовъ.—«Вселенная, это—я!».—Историческое значеніе метафизическихъ доктринъ Штирнера.—Анархизмъ и диктатура.—Ученіе Нитше о «желаніи властвовать».—Біографія Нитше и новѣйшія свѣдѣнія о душевной болѣзни его.—Аристократическій взглядъ на историческое развитіе человѣчества.—Двѣ морали—для титановъ и пигмеевъ.—Вредъ демократизма.—«Высшій человѣкъ» и его заповѣди.—Нитше, Шопенгауеръ и Ренанъ.—Французскій романъ, основанный на философской системѣ кулачнаго права аристократизма.—Колонія холостяковъ въ Америкѣ.—Неожиданная разгадка исторіи одной таинственно погибшей счастливой четы въ Англіи—благодарный матеріалъ для страшной драмы или ужаснаго романа.

Современное цивилизованное человѣчество видимо усердно старается совершенствовать не только свои учрежденія общественныя, но и свою душу, свою совѣсть, свою внутреннюю жизнь. Во Франціи рядомъ съ пессимизмомъ и атеизмомъ народилось мистическое влеченіе къ религіозности и ведется пропаганда нравственныхъ идей. Въ Англіи агитируютъ въ пользу „внутренняго христіанства“, которое разъясняется въ массѣ брошюръ назидательнаго содержания, расходящихся сотнями тысячъ. Изъ Соединенныхъ Штатовъ, страны, которую европейцы привыкли считать родиной самой беспощадной борьбы за существованіе, ареной погони за наживой, переносятся въ Европу проекты чисто идеальнаго характера. Именно въ Америкѣ было положено начало „обществамъ нравственной культуры“, долженствующимъ содѣйствовать обновленію современной души и протестовать противъ девиза новѣйшаго эпикурейства: „презирай ближняго какъ себя самого“. Въ послѣднее время это движеніе перешло и въ Германію.

Въ Нью-Йоркѣ, Санъ-Луи, Филадельфіи, Чикаго, Лондонѣ, Берлинѣ, Килѣ, Магдебургѣ, Страсбургѣ, Франкфуртѣ общества нравственной культуры ведутъ борьбу, цѣль которой—возродить въ человѣчествѣ вѣру въ себя. Книги, брошюры, газеты, публичныя лекціи повѣдали эту добрую вѣсть миллионамъ созданій, вѣроятно, слушающихъ съ удивленіемъ и недоумѣніемъ такія рѣчи à la Жанъ-Жакъ Руссо, совершенно новыя для большинства изъ нихъ: „мы слишкомъ плохого мнѣнія о людяхъ. Въ глубинѣ всѣхъ насъ существуетъ высшая натура, но къ ней рѣдко обращались доселѣ, и потому-то уровень нашей нравственной жизни остается столь низкимъ. Дерзнемъ же обратиться къ добрымъ сторонамъ человѣка, потребуемъ отъ него, чтобъ онъ былъ справедливъ во имя долга и совѣсти, и міръ изумится тому, чего мы достигнемъ“.

Не разъясняется, откуда главари этого любопытнаго движенія почерпнули свою „вѣру въ человѣческую природу“ и въ благость творенія? Наблюденіе фактовъ современной жизни заставляетъ ихъ энергически трактовать о приниженности характеровъ, о процвѣтаніи ненависти между классами, объ ужасающей анархіи совѣсти, о нравственной гнилости высшихъ классовъ. Но во всякомъ случаѣ общества нравственной культуры не допускаютъ, чтобъ зло это было неизлѣчимо. И эта пропаганда, организованная съ успѣхомъ, одному берлинскому обществу дала уже до 800 членовъ. Это „общество“ имѣетъ въ виду обновить нравственное воспитаніе германской націи, которое держится теперь на идеяхъ ложныхъ. По словамъ сторонниковъ этого движенія, до сихъ поръ всевозможными средствами старались въ Германіи совращать совѣсть. Приходится исправлять зло, для чего необходимо приняться за нравственное обученіе юношества, создать новую народную литературу, учредить музеи и выставки, публичныя курсы и лекціи, неустанно твердить всѣмъ нѣмцамъ, молодымъ и старымъ, образованнымъ и необразованнымъ, всѣми средствами, какими обладаетъ печатное дѣло, что десять вѣковъ ихъ обманывали и что въ каждомъ изъ насъ есть несокрушимый и священный зародышъ, изъ котораго можетъ произойти доброе и хорошее.

И вотъ въ дни такихъ-то высокихъ стремленій къ нравственному совершенствованію появляются книги, серьезно выставляющія опасность нравственныхъ ученій во всѣхъ ихъ отѣнкахъ. Не вѣрите, перелистуйте книжку Адольфа Гереке „Die Aussichtslosigkeit des Moralismus“. „Нѣтъ ничего глупѣе, какъ идея нравственности, — утверждаетъ авторъ. — Всемирная исторія учитъ насъ, что народъ нравственный — почти всегда народъ безъ ума, онъ не создаетъ ничего и не прогрессируетъ. Желанія, стремленія къ наслажденію и интенсивное чувство наслажденія, безъ всякихъ моральныхъ опасеній, — вотъ почва, на которой вырастаютъ и распускаются самые блестящіе цвѣты духа“.

Подобныя разглагольствованія не заслуживали бы ни малѣйшаго вниманія, если бы они не были въ сущности лишь слабымъ эхо самыхъ модныхъ доктринъ новѣйшей философіи, которыя громко проповѣдуются ихъ послѣдователями и пытаются взять верхъ надъ другими теченіями общественно-нравственнаго содержанія. И дѣйствительно, съ недавняго времени входятъ въ моду теоріи двухъ нѣмцевъ, Макса Штирнера и Фридриха Нитше.

Философія и мода — два понятія, на первый взглядъ взаимно исключающія другъ друга. Самое сопоставленіе такихъ понятій можетъ показаться неучтивостью. Философія вѣдаетъ вѣчныя истины, а мода представляетъ собою нѣчто до такой степени эфемерное, что французы именуютъ ее „le ridicule de demain“. А между тѣмъ и въ философіи бывають свои моды, какъ есть моды на шапки и галстухи. Эти философскія моды объясняются многими причинами — маніей противорѣчій, потребностью въ перемѣнахъ, нетерпѣливостью, съ какою каждое новое поколѣніе стремится упрочить свое значеніе во вселенной и, отвергая сдѣланное предшествовавшимъ поколѣніемъ, пытается революціонировать мысль и вкусы, сокрушить недавніе культы, воздвигнуть новые алтари.

Какъ бы то ни было, но самыми модными метафизическими кумирами нынѣ оказываются нѣмцы Штирнеръ и Нитше.

* * *

Максъ Штирнеръ жилъ въ полной безвѣстности. Біогра-

фія его не сложна. Уроженецъ Байрейта (1806 г.), онъ, подобно Фаусту, изучалъ теологію, потомъ філологію и філософію, и большую часть своего существованія провелъ въ Берлинѣ, преподавая въ среднеучебныхъ заведеніяхъ и бѣгая по частнымъ урокамъ. Въ 1845 году онъ напечаталъ въ Лейпцигѣ сочиненіе подъ заглавіемъ довольно туманнымъ „Der Einzige und sein Eigenthum“ (Индивидуумъ и его права). Оно возбудило нѣкоторую полемику, но автора не обогатило. Въ 1856 году Штирнеръ умеръ невѣдомымъ бѣднякомъ.

Первые проблески его посмертнаго ореола показались десять лѣтъ назадъ, когда появилось второе изданіе названной книги. Чтобы понять Штирнера, надо вспомнить о системѣ Гегеля. Этотъ теоретикъ проповѣдывалъ въ Берлинѣ государственную філософію. Доктрина его была консервативная, но методъ — совершенно противоположнаго свойства. Онъ училъ: „нѣтъ принциповъ, но есть факты; нѣтъ морали, но есть нравы“. Послѣдователямъ своимъ онъ оставилъ обоюдострое оружіе своей діалектики, которая, будучи пущена въ ходъ, уже не останавливается ни передъ чѣмъ въ своемъ анализированіи. Какъ червь, этотъ духъ анализа подтачиваетъ въ корнѣ и чувство и умъ. Давидъ Штраусъ пользуется имъ для подрыва и разрушенія догматовъ церкви („Жизнь Иисуса“ 1835 г.). Вслѣдъ затѣмъ Фейербахъ, упрекая Штрауса и Бруно Бауера въ трусости и малодушіи, самъ ополчается на религіозныя чувства. Религія у него превращается въ культъ человѣчества. За Фейербахомъ выступаетъ Штирнеръ и пытается сокрушить идолъ „Человѣчество“, замѣнивъ его культомъ личнаго „я“. Этотъ гегеліанецъ доказываетъ, что „человѣчества не существуетъ, что человѣкъ не долженъ подчиняться ничему внѣ себя, будетъ-ли это божество или человѣчество, и что, наконецъ, нѣтъ иныхъ правъ, кромѣ правъ личности“. Это личное „я“ есть начало и конецъ всего.

Говоря отъ имени какого-то человѣческаго существа, Штирнеръ прибавляетъ: „Я не подчиненъ духу, духъ и тѣло могутъ быть только качествами „я“, свойствомъ „я“. То, что называютъ свободой духа, есть порабощеніе „я“, ибо „я“ есть болѣе, чѣмъ тѣло и духъ. Для опредѣленія „я“ въ языкѣ не хватаетъ словъ. „Я“ невыразимо... Я не могу

считать себя индивидуальностью наравнѣ съ другими индивидуальностями, но именно единственной индивидуальностью существующей для „я“. Все прочее, люди и вещи, есть мое добро, моя собственность, въ той мѣрѣ, насколько сила моя позволяетъ мнѣ присвоить это и насколько я желаю присвоить это себѣ“.

Уже по этой исходной точкѣ зрѣнія легко угадать, что должно сдѣлаться со всѣми нравственными идеями, составляющими дѣйствующую человѣческую мораль. Самая идея свободы ставится въ зависимость отъ боготворенія индивидуальности. „Бываешь свободенъ въ той мѣрѣ, въ какой обладаешь силой; истинная свобода только та, которую берешь самъ себѣ“. Государство, религія, гуманитарность, социализмъ, все это исчезаетъ передъ верховнымъ „я“, не принимается имъ въ расчетъ. Слова право, долгъ, нравственность не имѣютъ смысла. Самое слово „истина“ не означаетъ ничего. „Мысли создаются „я“, онѣ не „я“. Вѣрить въ истину значитъ отречься отъ „я“.

Но „я“ Штирнера, т. е. каждая отдѣльная личность, не имѣетъ ничего общаго съ отвлеченнымъ „я“ Фихте, „я“ величающимся передъ природой и смиряющимся передъ закономъ нравственнымъ. Эгоизмъ Штирнера совершенно отрицаетъ нравственность. То, что разумѣютъ люди подъ этимъ понятіемъ, есть только химера. Именемъ этой химеры тѣ, кто руководитъ и наставляетъ другихъ, педагоги, какъ вожаки медвѣдей, заставляютъ людей плясать подъ ихъ дудку, принуждая ихъ къ такимъ штукамъ, какихъ свободное „я“ ихъ не допустило бы никогда.

* * *

Однакожь, этотъ радикальный индивидуализмъ отличается отъ грубаго эгоизма тѣмъ, что Штирнеръ не отрицаетъ такъ называемыхъ альтруистическихъ чувствъ. Онъ только отказывается придавать имъ характеръ обязательности: „я не признаю никакого закона, я люблю каждаго человѣка, потому что это мнѣ нравится, потому что это дѣлаетъ меня счастливымъ и потому что я вовсе не помышляю жертвовать собою ради него, а можетъ быть также и потому, что я могу больше получить отъ людей добротой, нежели суровостью. Я люблю

свою возлюбленную и подчиняюсь сладкому велѣнію ея взора— также изъ эгоизма... Я питаю сожалѣніе ко всякому существу, которое можетъ чувствовать, и его муки мучаютъ меня, его удовольствіе мнѣ пріятно, я могу его убить, но не замучить“, и все это—не лишаясь спокойствія своей совѣсти, ибо порока не существуетъ. Такъ какъ всякія правила—вещь чисто воображаемая, то мы и не можемъ нарушать ихъ. „Мы вовсе не грѣшники, мы совершенны, ибо въ каждый моментъ мы бываемъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ можемъ быть... Наконецъ, у меня нѣтъ ни назначенія, ни призванія, какъ и у цвѣтка. Я не привязанъ ни къ чему. Я только отстаиваю право существовать лишь для себя, пользоваться міромъ, жить счастливо. Все, что я могу взять и удержать за собой, принадлежитъ мнѣ, становится моею собственностью. Для меня всѣ средства законны: убѣжденіе, мольба или насиліе, ложь, обманъ, лицемеріе; только сила поддерживаетъ мое право. Что мнѣ за дѣло до блага народа? Мнѣ нужно мое собственное. Свобода существуетъ только въ силу эгоизма. Собака видитъ кость у другой собаки. Если она не отнимаетъ ее, то единственно потому, что чувствуетъ себя слишкомъ слабой. Но человѣкъ уважаетъ право другого на кость. Это считается гуманнымъ, а противоположное тому—актомъ грубости или эгоизма. Не говорите же мнѣ о справедливости и общемъ благѣ! Что мнѣ дѣлать съ общимъ благомъ... Общее благо, какъ таковое, не мое благо... Общее благо можетъ ликовать, тогда какъ я долженъ изнывать... Общество можетъ благоденствовать, въ то время какъ я умираю съ голода. Эгоизмъ не будетъ удовлетворенъ тѣмъ, что ему дадутъ во имя общихъ интересовъ. Онъ скажетъ просто: бери себѣ то, что тебѣ нужно“.

И такъ нѣтъ общественныхъ обязанностей, есть только личные интересы. „Пусть гибнетъ народъ, — восклицаетъ Штирнеръ, — лишь бы свободенъ былъ индивидуумъ! Пусть гибнетъ Германія, пусть гибнуть всѣ націи европейскія, и человѣкъ, избавившись отъ всѣхъ своихъ узъ, наконецъ получитъ свою полную независимость!“

Штирнеръ такимъ манеромъ водружаетъ верховенство своего „я“ на развалинахъ всякой власти божеской и человѣческой. Неронъ, когда онъ сжигалъ Римъ ради своего соб-

ственнаго удовольствія, Людовикъ XIV, когда онъ, окруженный своими придворными, говорилъ „государство это — я“, они кажутся скромными существами въ сравненіи съ этимъ гегелианцемъ, философствовавшимъ въ одиночествѣ на своей берлинской мансардѣ на тему: „Вселенная, это—я. Homo sibi Deus (человѣкъ есть Богъ для себя)“.

* * *

Историки философіи упоминаютъ объ этой книгѣ Штирнера лишь какъ о курьезномъ продуктѣ гегелианской софистики, а самого автора ея зачисляютъ въ разрядъ виртуозовъ діалектики, ловко плящущихъ на натянутой веревкѣ парадоксовъ и жонглирующихъ разными отвлеченностями. Вѣдь и „индивидуумъ“ Штирнера только отвлеченность. „Единственные“, уники бываютъ только въ домахъ умалишенныхъ. Всѣми своими потребностями, своимъ воспитаніемъ, своей дѣятельностью мы зависимъ отъ другихъ. „Никто изъ насъ, — прекрасно замѣчаетъ по этому поводу одинъ критикъ — не имѣетъ права быть безусловнымъ хозяиномъ своихъ дѣйствій и даже своихъ мыслей, потому что нѣтъ ни одного изъ насъ, кто бы не принадлежалъ обществу столько же, сколько и себѣ самому въ силу того, что онъ обязанъ обществу благодѣяніями въ прошломъ и требуетъ отъ него помощи или поддержки въ настоящемъ...“

Даже въ шайкахъ злоумышленниковъ, когда дѣло идетъ о дѣлежкѣ награбленнаго, индивидуумъ долженъ подчиняться извѣстному правилу, поступаться долей своей личной выгоды. Штирнеръ какъ бы забываетъ, что жизнь и дѣятельность человѣческая имѣютъ свои существенные законы, что не достаточно одного резонерства, чтобъ ихъ уничтожить; онъ явно забываетъ, что государство основано не на призрачной идеи, а на неизживномъ инстинктѣ сохраненія личностей. Такъ какъ человѣкъ животное общественное, которое не можетъ жить въ одиночествѣ, то и надо, чтобъ онъ, давая своему личному эгоизму надлежащую долю удовлетворенія, дѣлалъ уступки потребныя для эгоизма другихъ, въ комъ онъ нуждается. Тутъ можетъ быть только вопросъ о размѣрахъ, но никоимъ образомъ не объ исключительномъ выборѣ. Предполагать же возможнымъ все свести къ „я“, значить, допускать

заблужденіе, какое можетъ зародиться только въ узкихъ умахъ, которые видятъ лишь одну сторону вопроса, тогда какъ ихъ двѣ и онѣ неразрывны. Подобные софизмы не имѣютъ никакого практическаго значенія, потому что сила вещей всегда призоветъ къ порядку тѣхъ чудаковъ, которые пожелали бы пренебречь имъ. И дѣйствительно, если бы Максъ Штирнеръ, который въ сущности былъ человѣкъ мягкаго характера, миролюбивый, трудолюбивый и жилъ всецѣло экзальтаціей своего отшельническаго мышленія, если бы онъ попробовалъ примѣнить на дѣлѣ свои теоріи, то полиція и судьи Берлина скоро напомнили бы ему о чувствѣ реальнаго, которое философы утрачиваютъ такъ охотно.

Однако, книга Штирнера не лишена нѣкотораго историческаго значенія. Изъ всѣхъ сочиненій гегеліанской лѣвой, поднимающихъ пыль столбомъ въ ратованіи противъ алтарей и троновъ, она особенно рѣзко выражаетъ протестъ этой школы противъ укротительной дисциплины прусскаго государства до 1848 г., она осмѣиваетъ этотъ трусливый либерализмъ, не осмѣливавшійся подавить свободу силой. Прудонъ, современникъ Штирнера, также ужасалъ своими радикальными формулами буржуа временъ Луи-Филиппа. У нихъ поднимались волосы дыбомъ, даже когда они носили парикъ. Но Прудонъ требовалъ автономію личности скорѣе какъ средство, а не какъ цѣль, скорѣе какъ гарантію для возможнаго осуществленія своихъ экономическихъ мечтаній, чѣмъ какъ основу счастья. И въ глазахъ Штирнера Прудонъ, какъ и самъ Робеспьеръ, оказывается ханжой и лицемеромъ, хотя французскій философъ вмѣстѣ съ этимъ гегеліанцемъ считается провозвѣстникомъ революціонной бури 1848 г.

Пареніе Штирнера въ заоблачныхъ сферахъ метафизики повидимому имѣетъ сходство съ доктринами самыхъ вульгарныхъ анархистовъ. Въ анархистскихъ брошюрахъ можно найти такія-же идеи лицемернаго бандитизма. Кажется, и Бакунинъ нѣкогда дѣлалъ значительныя позаимствованія изъ книги „Der Einzige und sein Eigenthum“. Но, не говоря уже объ извращенномъ изложеніи штирнеровскихъ идей наивными проповѣдниками анархизма, авторъ все таки отличается отъ нихъ въ своихъ выводахъ. Гг. анархисты никогда не забы-

вають прибавить, что, коль скоро индивидуализмъ избавится отъ всякой узды, весь міръ будетъ счастливъ и люди стануть обниматься другъ съ другомъ, какъ ангелы и избранные на картинѣ „Рай“ фра-Беато Анджелико. А Штирнеръ довольствуется заявленіемъ, что каждая индивидуальность, чувствуя свое безсиліе въ присутствіи другихъ индивидуальностей, безъ сомнѣнія, пожелаетъ соединиться съ нѣкоторыми изъ этихъ другихъ, группами свободно условленными, гдѣ у каждаго будетъ одна только мысль: свой личный интересъ. Въ результатѣ получается эксплуатація всѣхъ каждымъ, эксплуатація лицемѣриемъ, какъ главнымъ оружіемъ, потому что сила физическая каждаго должна быть весьма незначительной въ сравненіи съ самой маленькой коалиціей противъ нея. Штирнеръ, болѣе послѣдовательный, чѣмъ нынѣшніе анархисты, не желаетъ рѣшительно ничего. Онъ заключаетъ свою книгу такими словами: „не изъ любви къ людямъ, не изъ любви къ истинѣ, я выразилъ свою мысль въ этомъ сочиненіи. Я писалъ только для собственнаго удовольствія. Я говорилъ, потому что у меня есть голосъ, я обращался къ людямъ потому, что мнѣ нужны уши, для того, чтобъ мой голосъ былъ услышанъ“.

Но представьте себѣ общество, составленное изъ этихъ униковъ („Einzige“), гдѣ каждый не имѣлъ-бы иного права, иной поддержки, кромѣ собственной силы. Оно навѣрное кончило-бы тѣмъ, что самый сильный уникъ свалилъ-бы другихъ, сталъ-бы выше всѣхъ, эксплуатировалъ-бы ихъ въ свою пользу. Исходя изъ того принципа, что человекъ — волкъ для человека (Homo homini lupus), нѣкогда Гоббесъ, какъ очевидецъ междуусобій своего времени, пришелъ къ неизбѣжному заключенію о необходимости основать деспотическое государство. Исторія освятила эту теорію. Когда государство впадаетъ въ анархію, когда нѣтъ болѣе партій, а есть только заговоры, „синдикаты эгоистовъ“, гдѣ каждый помышляетъ только о своемъ собственномъ интересѣ и своей мстительности, тогда, въ моментъ психологической, видишь, какъ на сценѣ появляется какой-нибудь превеликій эгоистъ, диктаторъ, цезарь, съ тѣмъ, чтобы укротить всѣ соперничающіе эгоизмы, дисциплинировать ихъ, привести къ добычѣ, рѣзнѣ и погрому.

Любопытно однако, что этотъ новый расцвѣтъ антиобщественнаго парадокса переносится и въ новѣйшую беллетристику, какъ показываетъ самое недавнее произведение Мориса Барреса, „L'Ennemi des lois“, посвященное культу „я“. Но, съ другой стороны, это, быть можетъ, симптомъ небезотрадный, свидѣтельствующій о томъ, что въ революціонерной философіи возникъ расколъ, раздѣлившій ее на двѣ непримиримыя школы — одна стремится пожертвовать личностью для общества, а другая наоборотъ — отстаиваетъ безусловныя права личности противъ общества.

* * *

Гораздо труднѣе резюмировать на нѣсколькихъ страницахъ идеи Нитше, которыя имѣютъ уже и legionъ комментаторовъ, особливо въ Германіи и Скандинавіи. Нитше не разсуждаетъ критически и логически, подобно Штирнеру. Чаше всего онъ выражается афоризмами, иногда апокалипсическимъ стилемъ, восклицаетъ съ гнѣвомъ или презрѣніемъ, иногда же довольствуется ироническими вопросами. Среди смутныхъ фразъ зачастую прорываются лирическія отступленія, поразительные поэтическіе образы, порывы страсти, нелишенной величія. Нитше приближается къ Шопенгауеру, но вмѣсто того, чтобы все резюмировать въ „волѣ къ жизни“ (Wille zum Leben), какъ дѣлалъ это франкфуртскій философъ, Нитше все сводитъ къ „желанію властвовать“ (Wille zur Macht).

Прежде всего кажется страннымъ, что основанныя на таковой точкѣ зрѣнія сочиненія служатъ восторженнѣйшей защитой свободы. Но это вполне логично. Нитше желаетъ видѣть міръ избавленнымъ отъ всякихъ препонъ морали и вѣковыхъ предразсудковъ, онъ взываетъ къ самой необузданной свободѣ, но просто для того, чтобы въ каждую данную минуту существа, обладающія основными качествами властвованія, поработали другихъ. Онъ признаетъ двѣ морали: мораль рабовъ и мораль властелиновъ. Человѣчество до сихъ поръ повиновалось первой, говоритъ онъ, а стоитъ подчиняться только второй. „Ничего нѣтъ истиннаго, все позволяется“. Для Нитше, какъ и для Штирнера, слова

истина, нравственность, благо, право и пр., не имѣютъ никакого значенія.

Но прежде чѣмъ ознакомиться съ доктринами Нитше, не лишнее узнать его житейскую судьбу. Кстати, въ журналѣ „Zukunft“ напечатаны самыя свѣжія извѣстія о душевномъ состояніи этого моднаго философа.

Уроженецъ Лютцена (1844 г.), Нитше происходитъ изъ польскихъ дворянъ. Бабка его вращалась въ Гётевскомъ кружкѣ въ Веймарѣ, отецъ былъ протестантскимъ пасторомъ. Учился Нитше блистательно. Въ 24 года онъ уже профессорствовалъ по филологіи въ Базельскомъ университетѣ. Душа его склонялась болѣе къ военной службѣ, чѣмъ къ книгоѣдству. Онъ принималъ участіе въ прусской кампаніи 1870 г. противъ Франціи, въ качествѣ артиллерійскаго офицера. Позже онъ отрекся отъ своей національности. Съ 1876 г. здоровье его требовало особенно тщательныхъ заботъ, и онъ жилъ въ Сорренто и Ниццѣ. Когда болѣзнь глазъ и его невралгіи давали ему вздохнуть, онъ принимался писать. Въ январѣ 1889 г. помрачился его разумъ. Сперва онъ былъ помещенъ въ лѣчебницу душевнобольныхъ въ Базелѣ, потомъ перевезенъ въ Іену, оттуда вернулся недавно въ Наумбургъ, гдѣ живетъ съ своею матерью. Припадковъ у него не бываетъ теперь. Теперь онъ свободно и послушно съ матерью дѣлаетъ далекія прогулки по окрестностямъ, и только страдаетъ отъ внезапныхъ перемѣнъ въ расположеніи духа. Особенно чужія лица вызываютъ въ немъ страхъ. Всякая надежда на излѣченіе утрачена. Умственная и поэтическая дѣятельность его разрушена окончателно. Ничто уже не возбуждаетъ въ немъ интереса, онъ живетъ чисто механически, разслабленнымъ, время отъ времени прочитываетъ нѣсколько страницъ по гречески, но и это дѣлаетъ безъ особаго интереса. Однѣ только аріи „Кармень“, его любимой оперы, доставляютъ ему нѣкоторое удовольствіе. По мнѣнію докторовъ, Нитше лишился разсудка вслѣдствіе крайняго переутомленія. Но здѣсь вліяли еще и физическія причины. Онъ страдалъ мучительными бессонницами, доктора прописали ему хлораль, а онъ злоупотреблялъ имъ. Одинъ изъ послѣдователей его ученій уполномоченъ семьей напечатать его, такъ

сказать, посмертныя сочиненія. Матеріаль оказывается весьма значительный и составитъ 6—7 томовъ. Но изъ того, что уже издано изъ его трудовъ, наиболѣе важны для знакомства съ доктринами Нитше—„Zur Genealogie der Moral“, „Jenseits von Gut und Boese“, „Goetzen-Daemmerung“ и „Also sprach Zarathustra“.

Въ Нитше человекъ и писатель составляютъ безусловный контрастъ другъ другу. Какъ человекъ, онъ восхваляется за его удивительную скромность, изысканную учтивость въ обращеніи, очень любимъ своими учениками и обожаемъ женщинами, хотя въ его книгахъ сильно достается прекрасному полу. Какъ писатель, онъ цинически заушаетъ всѣ принципы, на которыхъ опирается установленный общественный порядокъ. Питая непримиримую вражду къ современному обществу, полному лжи, какъ это было съ Ж.-Ж. Руссо въ прошломъ вѣкѣ, Нитше, подобно Руссо, требуетъ возвращенія къ инстинкту, къ природѣ, съ тѣмъ существеннымъ различіемъ, что Руссо былъ плебеемъ, передъ которымъ почтительно держался міръ аристократическій, тогда какъ Нитше обладаетъ гордой патриціанской душой.

Онъ дѣлитъ человечество на двѣ расы. Во-первыхъ, незначительное число „Благородныхъ“. Подъ ними философъ разумѣетъ людей воли, дѣйствія, индивидуалистовъ, честолюбивыхъ, считающихъ себя рожденными для того, чтобы повелѣвать, властвовать, созидать. Во-вторыхъ, огромное баранье стадо черни, безчисленное множество выучныхъ животныхъ, рабовъ предразсудка, неизлѣчимо предающихся ненависти и злобѣ противъ тѣхъ, кто выше ихъ. По Нитше, все, что есть великаго въ свѣтѣ, совершается только исключительными людьми, благородными, а все, что есть рабскаго и низкаго, творится тогда, когда господствуютъ рабы. Такъ бываетъ при владычествѣ демократіи, когда численность подавляетъ собою избранный элементъ, когда львы угнетаются зайцами.

* * *

Какъ видите, Нитше выразитель аристократическаго взгляда на развитіе исторіи. Покойный Ренанъ тоже думалъ, что прогрессу общества благоприятствуетъ не столько борьба за су-

ществованіе, сколько борьба за преобладаніе, т. е. триумфъ великихъ людей—путеводителей народовъ, которые даютъ имъ новую жизнь. И, стало быть, цѣль человѣчества—производить великихъ людей, жертвовать для нихъ толпою, предоставлять полный просторъ для ихъ спасительной дѣятельности. Противоположное возрѣніе, котораго самымъ крупнымъ представителемъ можно считать графа Л. Н. Толстого, видитъ въ безчисленной толпѣ настоящихъ агентовъ исторіи, а въ руководителяхъ хора—простыхъ статистовъ, зачастую болѣе вредныхъ, чѣмъ полезныхъ. Въ конечномъ выводѣ здѣсь должно быть принесеніе въ жертву личности для общества, верховенство народа, всеобщая подача голосовъ, возведенная въ непогрѣшимую мистику. Благо цивилизаціи, которое, съ такой точки зрѣнія, является дѣломъ коллективнымъ, должно принадлежать всѣмъ, а не только малому числу избранныхъ.

Настоящая истина заключается въ примиреніи этихъ двухъ исключительныхъ точекъ зрѣнія. Аристократическій взглядъ не признаетъ границъ для власти личности, условій естественной и соціальной жизни. А между тѣмъ вѣдь завоеватель нуждается въ арміи храбрецовъ, художникъ—въ интеллигентной публикѣ, ученый, для своихъ открытій,—въ накопленіи результатовъ знанія. Государственный человѣкъ не можетъ произвести крупныхъ перемѣнъ въ человѣческихъ дѣлахъ, если общественный духъ не подготовленъ къ нимъ въ значительной степени общими условіями своей эпохи.

Взглядъ демократическій, напротивъ, не допускаетъ, что въ исключительной личности есть нѣчто единственное въ своемъ родѣ, что сумма всѣхъ посредственностей никогда не сдѣлаетъ того, что можетъ сдѣлать одна выдающаяся личность. Соберите всѣ общества литераторовъ, и они всетаки не напишутъ ни твореній Льва Толстого, ни твореній Вольтера, какъ и цѣлый корпусъ унтеръ-офицеровъ не могъ бы совершить стратегическаго дѣла Наполеона I. Избранный элементъ необходимъ для того, чтобъ совершался прогрессъ, а подъ такимъ элементомъ надо разумѣть компетентное меньшинство, которое во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности должно первенствовать, направлять.

Нитше, слѣдовательно, противопоставляетъ узкой демократической страсти свой не менѣе узкій аристократизмъ, съ одной стороны, видя нѣсколькихъ титановъ, а съ другой—муравейникъ пигмеевъ, безъ всякихъ посредствующихъ звеньевъ, и первымъ предоставляетъ привилегію полной свободы отъ всякаго правила и всякаго закона.

По Нитше, нѣтъ общечеловѣческой морали. Какъ уже замѣчено выше, онъ признаетъ двѣ морали. Для титановъ и пигмеевъ слова „добро“ и „зло“, хорошее и дурное имѣютъ два противоположныхъ смысла. Тѣ, которыхъ древніе называли хорошими, т. е. сильные, въ глазахъ толпы считаются дурными, ибо понятіе о хорошемъ, въ классическомъ смыслѣ, есть синонимъ силы, угнетенія, произвола. Напротивъ, хорошее для рабовъ состоитъ въ состраданіи, въ благотворительности, въ любви, доставляющей помощь. А властиители именуютъ это дурнымъ. Единственный долгъ „благороднаго“ заключается въ свободномъ развитіи своихъ инстинктовъ. Такимъ образомъ привилегіей избранныхъ оказывается индивидуализмъ, или — иначе сказать—эгоизмъ, граничащій съ безнравственностью. „Эгоизмъ этотъ,—говоритъ Нитше,—принадлежитъ только существу съ благородной душой, разумью того, кто питаетъ несокрушимую вѣру въ то, что для такого существа, какъ онъ, другія существа естественно должны оставаться подчиненными и жертвовать собою для него. Относительно низшихъ существъ позволяется все и во всѣхъ случаяхъ переходъ за предѣлы категорій добра и зла“.

И такъ, для высшаго человѣка нѣтъ ни религіи, ни государства, ни отечества, ни семьи, ни власти. Общественныя учрежденія имѣютъ значеніе лишь настолько, насколько они позволяютъ ему господствовать, но они никогда не могутъ рассчитывать на его подчиненіе.

Нитше, конечно, врагъ демократическаго государства, ибо оно озвѣряетъ массы, заглушаетъ всякую инициативу, подавляетъ всякую сильную волю, всякую личную силу, которыя не дѣйствуютъ въ ихъ пользу. Такое государство—врагъ цивилизаціи. Вообще же государство, по Нитше, можетъ быть благотѣтельнымъ лишь подъ условіемъ, если оно попадетъ въ руки тирана „антилиберальнаго до злости“. Для высша-

то человѣка въ государствѣ нѣтъ иного мѣста, кромѣ диктатуры. Нитше преклоняется передъ Цезаремъ, какъ геніемъ организаціи и войны, но за то питаетъ презрѣніе къ Бруту, какъ къ доктринеру бесплодному и ограниченному. Примѣръ Наполеона I, болѣе сильнаго, чѣмъ весь народъ, доказываетъ, до какой степени толпы привязываются къ людямъ, умѣющимъ командовать ими.

Исключительный человѣкъ долженъ оберегать себя и противъ тираніи женщины, этой вѣчной Далилы. Лучше попасть въ руки убійцы, нежели сдѣлаться предметомъ мечтаній „пылкой“ женщины. Бракъ есть только вырожденіе конкубината. Лучше думать и поступать относительно женщинъ по восточному, требовать только удовольствія или здоровыхъ дѣтей отъ этихъ вѣроломныхъ кошекъ, скрывающихъ свои когти подъ перчатками *gris-perle*. Самыя антипатичныя изъ нихъ — тѣ, что добиваются превосходства, героизма: г-жа де-Сталь, г-жа Роландъ кажутся Нитше экземплярами прекраснаго пола безусловно „комичными“, Жоржъ-Зандъ — „это корова писальная“ съ „ея плебейской амбиціей выражать великодушныя чувства“.

Нитше, наконецъ, не склоняется ни передъ какимъ умственнымъ авторитетомъ, онъ уничтожаетъ всякую іерархію умовъ. На первый планъ онъ ставитъ писателей, которые наблюдали живыхъ людей и умѣли изображать ихъ такими, какими ихъ видѣли — Маккиавели, Ла-Рошфуко, аббатъ Галиани, Стендаль, Достоевскій, а на послѣдній планъ — философовъ, ученыхъ теоретиковъ, его настоящихъ „*bêtes noires*“. Спинозу онъ называетъ отравителемъ, Канта — Тартюфомъ, Дарвина — посредственной головой.

Однако, Нитше преклоняется передъ двумя эпохами — классической древностью и языческимъ Возрожденіемъ. Это — эпохи полуцивилизаціи, плодovitыя истинными характерами, первобытными инстинктами и утонченной культурой, закаленные опасностями, благородной жестокой жизнью и достиженіе наилучшаго расцвѣта личности, до такихъ типовъ, какъ Цезарь Борджія, противоположность человѣка упадка, красивое хищное животное, удивительно здоровое чудовище.

Въ этомъ преклоненіи передъ прошедшимъ Нитше черпаетъ свой ужасъ передъ настоящимъ. Будучи неспособ-

нымъ предчувствовать великія скорби или великія радости, современный человѣкъ становится женоподобнымъ. Вмѣсто того, чтобъ находить свое счастье въ проявленіи своей силы, онъ вожделѣетъ о благополучіи тунеядцевъ и недостойныхъ, о комфортѣ, о роскоши какихъ-то безвѣстныхъ. Онъ не сталъ лучше изъ-за того, что его злость принимаетъ золотушныя формы, что, не осмѣливаясь убивать, онъ клевететь, что мнимыя добродѣтели рождаются изъ его слабости. Это — добродѣтели старухъ съ потухшими глазами, съ изсякшими страстями. Единственная школа мужественной энергіи, война, готова исчезнуть передъ все возрастающимъ торгашествомъ и индустриализмомъ. Начальное образованіе, пресса, „просвѣщая“ народъ, извращаютъ его природныя дарованія, при- тупляютъ его первобытныя инстинкты. Люди все болѣе становятся „больными волей“. Упадокъ является даже въ смыслѣ фізіологическомъ. Вслѣдствіе демократической морали, т. е. филантропіи и гігіены, слабые, болѣзненные выживаютъ, плодятся, ослабляютъ породу. Въ данномъ случаѣ также думаетъ и Гербертъ Спенсеръ.

Короче сказать, міръ можетъ быть спасенъ лишь тогда, когда возникнетъ новая аристократія, порода маэстро, приближающаяся къ типу „Uebersensch“. Европа, безъ различія границъ, должна бы управляться такими людьми, а массой подобало бы жертвовать для нихъ. Вотъ это былъ бы настоящій погромъ!

* * *

Въ самой странной изъ книгъ Нитше, въ своемъ родѣ „евангеліи для исключительныхъ людей“, „Библии титановъ“ („Also sprach Zarathustra“), этотъ модный философъ отъ лица Зороастра посвящаетъ насъ въ заповѣди сильныхъ. Вотъ нѣсколько изъ этихъ заповѣдей:

Не щади своего сосѣда.

Берегись добраго человѣка.

Не вѣрь, что ты не долженъ красть и прелюбодѣйствовать.

Будь твердъ, какъ алмазь.

Да будетъ тебѣ чуждо принужденіе, какъ и раскаяніе.

Знай, что ничего нѣтъ истиннаго и что все позволяется, кромѣ слабости.

Такая мораль для практики жизни вовсе не нова. Если что тутъ ново, это именно возведеніе ея въ теорію. Зороастръ Нитше, очевидно, знакомъ съ философами - циниками древней Греціи, отрицателями современной имъ цивилизаціи. Платонъ того періода, когда онъ мечталъ для своей республики о благородной кастѣ воиновъ, Маккиавели, примирявшій „sceleratezza“ и „virtu“ (преступность и добродѣтель), де-Местръ, превозносившій мистическую доблесть войны, говорили совершенно такимъ же языкомъ, какъ Зороастръ. Провозглашеніе правъ генія, восхваленіе преступной воли и поиски лучшихъ людей на каторгѣ, бравурство и смѣлость которыхъ среди нашей разслабленной цивилизаціи не могли найти исхода иначе, какъ въ преступленіи, все это было общимъ мѣстомъ романтики. Жестокосердіе Нитше и его проповѣдь безнравственности можно найти еще у Карла Мора въ „Разбойникахъ“ Шиллера, у сатанинскихъ героевъ Байрона, у Бальзаковского Вотрэня, у Жюльена Сореля — героя извѣстнаго романа Стендаля — Бейля.

Истинными вдохновителями Нитше были Шопенгауэръ и Ренанъ. Но вмѣсто того, чтобы по слѣдамъ франкфуртскаго философа дойти до будистской Нирваны, Нитше ратуетъ за эксплуатированіе слабыхъ, за господство волковъ. Будучи пессимистомъ относительно огромнаго большинства, онъ оказывается оптимистомъ для избраннаго элемента, для человѣка добычи и наслажденія.

Аналогія съ Ренаномъ поразительная. Бурдо въ „Journal des Débats“ недавно сопоставилъ взгляды того и другого. „Въ итогѣ, — говоритъ Ренанъ, — конечная цѣль человѣчества — производить не массы просвѣщенныя, а нѣсколькихъ великихъ людей. Вся цивилизація есть дѣло аристократовъ“. И Ренанъ, подобно Нитше, мечталъ о томъ, что когда-нибудь въ чело-вѣчествѣ народится высшая порода людей: „широкое примѣненіе открытій фізіологіи и принципа подбора могло бы создать высшую породу, которая имѣла бы право управлять не только въ силу своего знанія, но даже и по превосходству своей крови, своего мозга и своихъ мускуловъ. Это была бы порода боговъ или „deva“, существъ въдесятеро болѣе стоящихъ, чѣмъ мы, и эти нѣсколько индивидуумовъ, въ ко-

торыхъ сконцентрировались бы націи, пользовались бы человекомъ, какъ человекъ пользуется животными“.

„Deva“ Ренана есть „Uebergensch“ Нитше. Одно и тоже чувство негодованія и возмущенія противъ низкой демократіи, угнетающей и нивелирующей, породило доктрины Нитше, „Философскіе діалоги“ Ренана, написанные при заревѣ пожаровъ коммуны, „Исторію революціи“ Тэна, „Индивидуумъ противъ государства“ Спенсера. Но ошибка Нитше въ томъ, что, по его мнѣнію, вопреки взглядамъ Тэна, Спенсера и Ренана, индивидуализмъ есть синонимъ эгоизма, права на произволь, тогда какъ единственное оправданіе силы заключается именно въ осуществленіи справедливости, какъ это выразила еще классическая древность въ прекрасномъ мифѣ о Геркулесѣ.

Доктрины Нитше дѣйствуютъ двояко. Онѣ и привлекаютъ, и отталкиваютъ читателя, — привлекаютъ потому, что авторъ — непримиримый врагъ лжи, и желаетъ, чтобъ люди были строги и къ себѣ самимъ и къ другимъ; потому еще, что онъ надѣется возбудить энергію въ поколѣніяхъ разслабленныхъ и дремлющихъ; наконецъ, и потому, что онъ считаетъ единственно достойной жизнь благородныхъ усилій, творчества, жертвъ. Но онѣ производятъ непріятное впечатлѣніе тѣмъ, что предоставляютъ отдѣльной личности полный произволь, доводя ее до гордости, презрѣнія, тщеславія, злобы, и какъ бы оправдывая и безъ того заразительное эпикурейство и диллетантство, господствующія въ новѣйшей европейской литературѣ.

* * *

Быть можетъ, этимъ-то эпикурействомъ и диллетантствомъ всего больше Нитше кружитъ головы литературной молодежи не только въ Германіи и Скандинавіи, но даже во Франціи. Вмѣстѣ съ Вагнеровскимъ „Lohengrin’омъ“, Шопенгауэрскимъ пессимизмомъ и баварскимъ пивомъ тамъ имѣютъ успѣхъ доктрины этой философской системы кулачнаго права аристократизма. Намъ попался даже романъ, обоснованный на ученіи Нитше. Названіе романа „L’Edite“, авторъ его — Поль Радіо. Тутъ сперва идетъ рѣчь о формированіи породы избранныхъ, долженствующей обновить больной вѣкъ режимомъ аристокра-

тического насилія. Разъясненія сего даются не только въ духѣ Нитше, но зачастую его словами.

Содержаніе „L'Edite“ таково. Дельфина Фалеландъ — дочь французскаго государственнаго человѣка. Она отказывается отъ замужества, составляетъ планъ моральнаго и соціальнаго обновленія европейскаго человѣчества и въ это предпріятіе посвящаетъ одного французскаго офицера, Марселя де-Варронъ, который хотѣлъ жениться на ней, но она предпочла браку незаконную связь, потому что это болѣе достойно для новой свободной и сильной породы, которую она желаетъ развести. Эта порода должна быть международной аристократіей, стоящей превыше всякихъ человѣческихъ законовъ и имѣющей только одну заботу — достигнуть своего индивидуальнаго совершенства. Общая масса людей ради этой цѣли безжалостно порабощается или истребляется.

Оба апостола избранной породы въ выводахъ своего ученія не останавливаются ни передъ какими крайностями. Избранные люди, конечно, не вступаютъ въ бракъ, они предпочитаютъ вольныя связи, которыя можно разорвать во всякое время, ибо имѣютъ въ виду главнымъ образомъ разведеніе новыхъ превосходныхъ людей. Слабыя дѣти отъ нихъ осуждаются на смерть. У прочихъ нѣтъ ни семьи, ни отечества, ни законовъ. За всякое оскорбленіе они сейчасъ же отомщаютъ, всякое препятствіе устраняютъ мгновенно. Для нихъ есть только одинъ безусловный порокъ. Это — состраданіе. Массой они интересуются лишь потому, что методически ведутъ ее къ озвѣренію и порабощенію.

Дельфина и Марсель домогаются снова присоединить къ Франціи Мецъ и Страсбургъ. Такъ какъ во Франціи нельзя добыть ни одинаго су для этой цѣли, то они отправляются въ Лондонъ и тамъ уговариваютъ одного лорда предоставить его неисчислимыя милліоны въ ихъ распоряженіе на задуманное дѣло. Изъ Англій они ѣдутъ въ Германію, гдѣ склоняютъ на свою сторону одного „старога гегеліанца“, бывшаго гувернеромъ императора Вильгельма. Мало того, они посѣщаютъ и Россію. У насъ обрѣтается какой-то поэтъ, который въ видахъ подготовки избранныхъ людей для ихъ высокой цѣли учреждаетъ монастырь.

Наконецъ, возгорается война. Вся Европа въ огнѣ. Дельфина и Марсель слѣдуютъ за русской арміей. Побѣда русскихъ оказывается роковой для всей Германіи. Французская армія проникаетъ до Саксоніи и тамъ истребляется. Но этотъ всеобщій погромъ означаетъ зарю новой религіи. Германскій императоръ, который снова превращается въ Прускаго короля, дѣлается монархомъ избранной породы, Дельфина становится его наставницей, его эгеріей, а Марсель отправляется въ Африку снова вводить тамъ рабство.

Напрасно было бы думать, что это только пародированіе доктринъ Нитше. Въ романѣ рѣчь ведется вполне серьезно и по немъ можно судить, до какихъ безнадежныхъ нелѣпостей договариваются поклонники моднаго философа, принимающіе его разсужденія безъ всякой критики.

* * *

И безъ всякаго искусственнаго привязыванія философскихъ доктринъ къ дѣйствительной жизни, въ ней иногда совершаются такія явленія, какія никогда и не снились нынѣшнимъ мудрецамъ.

Въ Америкѣ существуетъ клубъ холостяковъ и при томъ холостяковъ обоого пола, наслаждающихся полнымъ счастьемъ, умѣющихъ съ невозмутимымъ душевнымъ спокойствіемъ обходить тревоги и безпокойство политической и соціальной жизни, и нашедшихъ возможность сообщаться милліонерами, никогда пальцемъ не прикоснувшись ни къ деньгамъ, не подписавши ни единого чека.

Сколь завиднымъ должно представляться счастье этихъ людей великимъ и знаменитымъ людямъ!

Клубъ этотъ или вѣрнѣе колонія была основана однимъ нѣмцемъ, нѣкимъ Георгомъ Раппъ, и въ началѣ именовалась „Обществомъ гармоніи“. Члены этого общества или гармонисты собирались подражать образу жизни первыхъ христіанъ и неукоснительно придерживаться его. Вслѣдствіе преслѣдованія и гоненія ихъ въ Германіи, въ 1805 году они переселились въ Соединенные Штаты, въ числѣ 1.000 членовъ.

Первоначально колонія охотно допускала вступленіе женатыхъ членовъ и ставила единственнымъ условіемъ, чтобы супру-